

## ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 81`27

doi: 10.18522/2070-1403-2024-103-2-129-136

### ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

© *Наталья Михайловна Усенко*

*Ростовский государственный экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*  
*nusenko5@gmail.com*

**Аннотация.** Рассматривается коммуникативная, или функциональная, неграмотность, которая проявляется в неумении адекватно понимать и формировать тексты (при умении читать и писать), справедливо признается самым опасным видом некомпетентности, подрывающим основы социального взаимодействия. Анализируются социолингвистические параметры этого явления: устанавливаются его причины, следствия и предлагаются пути решения проблемы. Вопросы грамотности/неграмотности в принципе имеют стратегический характер, ибо связаны с возможностью устойчивого развития социума. Отмечено, что опыт классической риторики как социальной практики, обеспечивающей адекватную коммуникацию, может быть полезен и в решении главной проблемы XXI в. – проблемы функциональной неграмотности. Материалом для анализа послужили труды, где анализируется эта проблема.

**Ключевые слова:** коммуникация, грамотность, социолингвистика, функциональная компетентность, лингвопрагматика, социолингвистическая интерпретация, функциональная неграмотность.

**Для цитирования:** Усенко Н.М. Функциональная неграмотность как социолингвистическая проблема // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 103. № 2. С. 129-136. doi: 10.18522/2070-1403-2024-103-2-129-136

## PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

### Functional illiteracy as a sociolinguistic problem

© *Natalia M. Usenko*

*Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation*  
*nusenko5@gmail.com*

**Abstract.** The article considers communicative, or functional, illiteracy, which manifests itself in the inability to adequately understand and form texts (with the ability to read and write), is rightly recognized as the most dangerous kind of incompetence that undermines the foundations of social interaction. The sociolinguistic parameters of this phenomenon are analyzed: its causes and consequences are established and ways to solve the problem are proposed. Literacy/illiteracy issues are, in principle, of a strategic nature, because they are associated with the possibility of sustainable development of society. It is noted that the experience of classical rhetoric as a social practice providing adequate communication can be useful in solving the main problem of the 21st century – the problem of functional illiteracy. The material for the analysis was the works where this problem is analyzed.

**Keywords:** communication, literacy, sociolinguistics, functional competence, linguistic pragmatics, sociolinguistic interpretation, functional illiteracy.

**For citation:** Usenko N.M. Functional illiteracy as a sociolinguistic problem. *The Humanities and Social Sciences*. 2024. Vol. 103. No 2. P. 129-136. doi: 10.18522/2070-1403-2024-103-2-129-136

#### *Введение*

Грамотность взрослых на современном этапе развития общества – свыше 80%, для людей 15–24 лет уровень признается еще более высоким. Однако при формальном умении читать и писать адекватное понимание чужого текста и тем более производство своего нередко вызывает серьезные затруднения. Проблема коммуникативной неграмотности (functional illiteracy) была обозначена еще 50 лет назад в США, когда массовым явлением стало неуме-

ние (полное или частичное) формально грамотных людей понимать тексты, регламентирующие разного рода действия. Разрыв между когницией и языковыми знаками, естественно, влечет тяжелые последствия как для отдельных людей, так и для социума в целом.

Это явление привлекает внимание педагогов, социологов, публицистов, лингвистов [6; 3; 10; 13; 14; 17; 18; 20; 22; 25; 28; 29; 30]. Его причины видят в дефектах воспитания, образования, в изменении информационной среды и социальной жизни в целом. Есть мнение о том, что при функциональной неграмотности проявляются более значимые проблемы, связанные с нарушениями механизмов работы памяти, мышления, внимания [13]. Цель статьи – проанализировать различные подходы к этому явлению, установить его причины и выработать рекомендации по исправлению положения.

*Материалы и методы.* Материалом для анализа послужили труды, где анализируется эта проблема (см. библиографию). Использована, помимо общенаучных методов индукции, дедукции, анализа и синтеза, социолингвистическая и лингвопрагматическая методика. Применена филологическая герменевтика с актуализацией процессов интерпретации текста.

#### *Обсуждение*

Причины этого явления справедливо связывают с изменением качества информационной среды, которое началось с массового распространения телевидения и завершилось с внедрением новых коммуникационных технологий. Увеличение доли визуальной, конкретно-образной информации, для восприятия которой не нужна никакая интеллектуальная работа, существенно снизило качество владения словом. Сосредоточенность ума, необходимая при вдумчивом чтении, сменилась рассеянностью внимания и расслабленностью воли. Словесно-логическое мышление не получает достаточной тренировки, отсюда трудности с исполнением профессиональных обязанностей.

Функциональная неграмотность может быть обусловлена нейрофизиологическими факторами, которые «возникают в связи с формированием специфического семиозиса в цифровой информационной среде: наряду с использованием естественного языка как средства означивания и анализа действительности в цифровой коммуникации широко используются и целенаправленно распространяются визуальные знаки, редуцирующие клишированную информацию. Распространение информации путем имитации ее содержания в простых клишированных стандартных формах (культурных мемах) разрушает эволюционно сформированный механизм порождения естественного семиозиса, основанного на вербальном знаке» [16, с. 35].

При фактически всеобщей грамотности доля функционально неграмотных оказывается чрезвычайно высокой. «Функционально грамотным считается тот индивид, который не просто умеет писать буквы, слова и предложения, а может создавать релевантные социальному контексту документы» [13, с. 57]. Функционально неграмотный человек не может рассчитывать на высокий социальный статус. И это при том, что нередко такой человек имеет не только аттестат о среднем образовании, но и диплом вуза (чаще всего – гуманитарного). Как правило, это люди, ориентирующиеся на самую грубую и прямолинейную поп-культуру, поскольку подлинные художественные смыслы им недоступны. Большинство кредитных должников – люди, которые не в состоянии понять содержание банковского договора и рассчитать собственный бюджет.

Конечно, в поисках истоков этого явления большинство авторов обращаются к проблемам современного образования. В первую очередь, речь идет о принципах толерантности и политкорректности, внедренных в процесс обучения. Эти принципы оборачиваются «нервным стремлением никого не напрячь и не огорчить, не дать понять лодырю, что он лодырь, а дураку – что дурак, повседневная забота, чтобы учение было сплошным развлечением, где нет места ни усталости, ни напряжению» [6]. Публицист Татьяна Воеводина, посвятившая цикл статей этой проблеме (большинство статей опубликованы в «Литературной газете» на протяжении 2017–2024 гг.), говорит даже о некоей злокозненности процесса – о злонамеренной политике выращивания «альтернативно одаренной» особи, которой можно впарить любые, сколь угодно бесполезные, товары и втюхать любые, сколь угодно фантастические, политические утки.

Условия обучения в современной школе, параметры образовательного процесса способны привести к формированию такого феномена, как коммуникативная неграмотность. Это обусловлено как достаточно длительным периодом дистанционного обучения, которое существенно уменьшает значимость понимания и интерпретации информации, что связано с увеличением форм контроля, которые могут быть пройдены за счет использования собственно навыков электронной коммуникации и начальной компьютерной грамотности. Увеличение доли тестирования как формы контроля приводит к снижению навыков формирования и порождения связных текстов, так как выполнение тестов не предполагает высокого уровня таких способностей, как смысло- и речепорождение.

Хотя как будто достигнуто осознание того, что задачи подготовки к ЕГЭ и задачи формирования образованного человека требуют принципиально разных и во многом противоположных педагогических решений, школа по-прежнему «заточена» на ЕГЭ.

Конечно, коммуникативная неграмотность в современной школе непременно соседствует с обычной безграмотностью. Это и не может быть иначе. Хотя федеральным постановлением регламентирована ежедневная проверка тетрадей по русскому языку и математике до середины шестого класса (с третьей четверти шестого класса проверка должна осуществляться раз в два дня), это чаще всего не исполняется. То есть, тетради по главным предметам просто никто не проверяет. Родительские чаты изобилуют историями о безрезультатном обращении по этому поводу к администрации школы и отделы образования. Учителей в школах не хватает, средний возраст – предпенсионный. В таких условиях неизбежно снижение роли учителя – преподавателя и воспитателя. Далеко не случайно, что всё чаще родители предпочитают так называемое домашнее обучение, не считая необходимым тратить силы и время на пребывание в неэффективной школе.

С 90-х гг. XX в. стала общепринятой формулировка «образовательные услуги». Ее стали оценивать резко негативно только в последнее время, то есть, пришло понимание того, что образование (и неотделимое от него воспитание) нельзя приравнивать к бытовым услугам и на таких основаниях строить взаимоотношения учителя и ученика. Появилось множество публикаций на эту тему, например, статья А. Чуйкова «Назад в будущее. Услуги или служение» [26]. Педагоги слово «услуга» в применении к образованию называют «ненавистным», как мы видим в материале Литературной газеты, озаглавленном «Услугам здесь не место» с подзаголовком «Ненавистный термин из образовательных законов исключен» [21]. То, что ненавистный термин «образовательные услуги» из законов исключен, конечно, чрезвычайно значимо и фиксирует важный поворот в социальной жизни, но самые главные перемены только предстоят. А пока общество пожинает плоды «услужливой школы».

Есть вполне обоснованное мнение, что к истокам проблемы функциональной неграмотности следует отнести отмену практики оставления на второй год в школе (с 70-х гг. XX в.), что открыло дорогу профанации образования. Примеры дикой некомпетентности и отсутствия элементарных знаний у благополучных (по оценкам) школьников хорошо известны. Канал «Мир» осуществляет трансляцию предметных олимпиад, в которых участвуют школьники, проживающие на постсоветском пространстве. Эти олимпиады отличаются высокой, даже избыточной, степенью толерантности, поскольку на них отмечаются малейшие успехи и знания участников, например, касающиеся названия произведения или автора, написавшего тот или иной текст. Как альтернативу можно рассматривать шоу «Слабое звено», в котором о тех, кто не может ответить на элементарные вопросы, о которых ведущая Мария Киселева говорит:

*Кто показал разницу между Иваном Царевичем и Иваном дураком? Кто купил свой диплом в подземном переходе? Чья тупость оказалась единственной ставкой в этой игре? Кто забыл все буквы алфавита? Кому не хватает знаний даже для поступления в первый класс?*

Показательно, что передачу любят вопреки явной неполиткорректности ведущей, поскольку в обществе есть спрос на реальную оценку знаний, а не на толерантное приукрашивание неприглядной действительности. «Постоянная, повседневная, массовая, почти безальтернативная закупка курсовиков, дипломов, которые желающий учиться выполняет сам.

Купить курсовик – это всё равно как если бы начинающая швея вместо того, чтоб шить, пошла на рынок да и купила готовый халат или рубаху. Если она так делает – значит умение шить в её жизненные планы не входит. Как не входит в жизненные планы школяров чему-то там учиться» [5]. «Средний студизус не способен ничего написать, а совсем скоро, с распространением «ТикТока», не сможет и прочесть», – как отмечает Т. Воеводина [7, с. 2].

*Результаты.* В различных коммуникативных сферах могут быть представлены те или иные виды функциональной неграмотности; это может проявляться даже в медиасфере или сфере образования. Для компенсации и уменьшения рисков функциональной неграмотности необходимо усиление внимания к качеству обучения в школе и вузе, подготовке специалистов различного профиля, в том числе гуманитарного, в особенности специалистов по коммуникативистике, риторике и т.д.

Стало обычной практикой, что студенты работают, стремясь еще в вузе заработать стаж, накопить «строчки в резюме». Но это опять означает, что они не учатся. Если число мест в вузах практически совпадает с числом выпускников средней школы, подготовка в этих вузах может быть только плохой. Из «храма науки» вуз давно превратился в пункт «передержки молодняка», вроде детсада для взрослых. Система высшего образования не дает возможности обеспечить конкурентоспособность и лидерство специалистов, а следовательно, и технологий по всем направлениям деятельности, что необходимо в современном мире. «В российском контексте функциональная неграмотность воспроизводится в условиях коммерциализации образовательных услуг, изменения набора профессий, что связано с понижением авторитета сложных профессий, требующих профессиональной грамотности и постановки на «конвейер» краткосрочной профессиональной подготовки в сфере менеджмента. Новаии с компетентностью в высшей школе не привели к росту образовательной и профессиональной активности, расширили сферу имитируемости показателей» [8, с. 39–40]. Таким образом, проблема коммуникативной неграмотности теснейшим образом связана со многими параметрами и системы образования.

О массовой коммуникативной неграмотности во многих своих работах пишет Г.Г. Хазагеров, в том числе – в «Риторическом манифесте» [25]. По его мнению, преодолению коммуникативной неграмотности может способствовать анализ и исследование понятия «логический топос», рассмотрение видов таких топосов, в том числе в вузовской и школьной практике. В большинстве учебников по риторике полностью или частично редуцирован раздел «инвенция», то есть специализированные пособия не учат работать с содержанием (а без этого оказываются бесполезными и более разработанные части риторики – элокуция и диспозиция. Риторика же должна учить логически мыслить и передавать это в языковых формах, с опорой на систему общих мест (топосов). «Оскудение общих мест», по мысли Г.Г. Хазагерова, имеет прямое отношение и к утрате культурной памяти, жизненно важных ориентиров. И серьезная задача сегодня состоит в том, чтобы по мере возможности окультурить локальные коммуникативные среды – медиа, образовательный и даже научный дискурс.

Медиа изобилуют ошибками всех типов – от элементарных орфографических и пунктуационных до этико-лингвистических. «Масс-медиа характеризуются общей неграмотностью» [1, с. 42]. Использование в заголовке прямой речи Ивана Золотухина.

*Ваня Золотухин: Прикольно, если бы папа был жив [27].*

Общая ориентация медиа на сниженные регистры и речи и субстандарт вообще не лучшая тенденция, и в иных случаях, как в приведенном примере, она способна обернуться грубым нарушением этико-лингвистических норм. Подробный анализ различного типа деструкций в языке медиа содержится в работах Э.Г. Куликовой, Л.А. Брусенской [11; 12; 3].

Образовательный процесс должен быть скорректирован с учетом совершенствования когнитивной способности. «...функциональная неграмотность вызвана неспособностью образовательных институтов научить человека активному взаимодействию со средой» [20, с. 16]. Важно выявить и использовать дидактические возможности каждого учебного предмета в формировании функциональной грамотности. «Сущность коррекции должна заключаться в

научно обоснованной, педагогической адаптации содержания той части человеческого опыта к условиям школьного обучения, освоение которой необходимо для достижения функциональной грамотности» [15, с. 11].

Хорошее начинание, которое получило название «тотальный диктант», можно расширить «тотальным изложением» [3], ибо именно изложение позволяет протестировать на функциональную грамотность. Особая проблема – качество современного научного дискурса (прежде всего – гуманитарного), в котором нарастают черты имитационности, множится «научный спам» [24; 23; 2].

С одной стороны, новые условия диктуют необходимость сочетания различных видов грамотности (алфавитная, цифровая), учитывается «постграмотность – новая культурно-историческая форма грамотности, предполагающая владение всеми формами письма и чтения, востребованными в современной информационно-коммуникативной среде» [19, с. 17–18], причем справедливо считается, что интернет должен усложнить и обогатить литературный язык, но не наоборот. Процесс цифровизации качественно меняет протекание когнитивных и коммуникативных процессов. «Роль Интернета в развитии языка и культуры сопоставима только с технологической революцией Гуттенберга и гуманитарно-стилистической революцией Пушкина» [9, с. 53]. А с другой стороны, в основных коммуникативных средах сильны деградационные процессы, самый опасный из которых – функциональная (коммуникативная) неграмотность.

#### *Выводы*

Вопросы грамотности/неграмотности в принципе имеют стратегический характер, ибо связаны с возможностью устойчивого развития социума. Развитие цивилизации определяет и появление новых разновидностей рисков, к одной из которых следует отнести функциональную неграмотность, такое положение требует предельного внимания общества и специалистов.

Ясно, что необходима разработка комплекса мер для решения проблемы, причем на всех этапах обучения. Бесспорно, что функциональная неграмотность во многом обусловлена несформированными навыками чтения и письма на уровне начального обучения. Затем проблема усугубляется вследствие многочисленных дефектов в системе среднего и высшего образования, о которых шла речь, так что «образование социального субъекта утрачивает функцию гаранта его социальной полноценности и профессиональной компетентности» [20, с. 13].

«Сбои» в пользовании родным языком как массовое явление затрагивают различные коммуникативные среды – медиа, педагогический и научный дискурс. И конкретная работа по окультуриванию этих коммуникативных сред с использованием потенциала классической риторики – теории общих мест, системы топосов – может дать благотворные плоды. Опыт классической риторики как социальной практики, обеспечивающей адекватную коммуникацию, может быть полезен и в решении главной проблемы XXI в. – проблемы функциональной неграмотности.

#### **Список источников**

1. *Адамчук М.* Анкета // Журналисты о русском языке. М.: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2016. С. 42–44.
2. *Брусенская Л.А., Барабаш В.В., Куликова Э.Г.* Этико-речевые нормы современного русского языка. М.: Флинта. 2022. 164 с.
3. *Брусенская Л.А., Куликова Э.Г.* Имитационность, информативность и фатика в жанрах гуманитарного научного дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. No. 1. С. 131–148.
4. *Брусенская Л.А., Куликова Э.Г.* Рецензия на «Риторический манифест» Г.Г. Хазагерова (Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовской риторической школы. 2020. 45 с.) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 1. С. 185–193.
5. *Воеводина Т.* Высшее образование и трудовое одичание // Завтра. 10 марта 2017 г. – URL: [https://zavtra.ru/blogs/visshee\\_obrazovanie\\_i\\_trudovoe\\_odichanie](https://zavtra.ru/blogs/visshee_obrazovanie_i_trudovoe_odichanie)
6. *Воеводина Т.* Диплом через ТикТок // Литературная газета. 2021. № 36. С. 2.

7. *Воеводина Т.* Школа расслабона // Литературная газета. 2018. № 44.
8. *Загороднюк Е.В., Иваненко Н.С.* Функциональная неграмотность: акторы высшего образования, риски образовательной и профессиональной некомпетентности // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2021. № 4. С. 36–43.
9. *Клушина Н.И.* О дигитализации языка // Русская речь. 2018, № 6. С. 52–56.
10. *Кузьмина Ю.В., Попов Д.С.* Функциональная грамотность взрослых и их включенность в общество в России // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 48–57.
11. *Куликова Э.Г.* Медийная ошибка: деструкция, элиминированная лакуна или динамика нормы? // Язык в координатах массмедиа. Материалы VII Международной научной конференции. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. Изд-во «Медиапапир». 28 июня – 1 июля 2023. С. 49–53.
12. *Куликова Э.Г.* Политкорректность vs глумление: этико-речевые параметры медиадискурса // Конгресса РОПРЯЛ «Динамика языковых и культурных процессов в современной России» Екатеринбург, 6–9 октября 2021. С. 202–206.
13. *Курилович Н.В.* Функциональная неграмотность как угроза устойчивому развитию современного образования // Наука. Культура. Общество. 2020. №. 2. С. 53–62.
14. *Лопатухина Т.А., Рынкевич А.В.* Государственные и авторские подходы к решению проблемы функциональной неграмотности // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2017 № 2(06). С. 54–57.
15. *Перминова Л.М.* Функциональная грамотность учащихся. Современный урок. М.: Московский институт открытого образования, 2009. 129 с.
16. *Пищальникова В.А.* Функциональная неграмотность как следствие утраты доминирующей функции языкового знака в цифровом информационном пространстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 36–45.
17. *Пищальникова В.А., Фененко Н.А.* Функциональная неграмотность как следствие «смены субъекта мышления» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2022. Т. 21, № 3. С. 5–16.
18. *Полищук Л.Н.* Функциональная грамотность: сущность и становление. Мозырь: МГПУ, 2008. 212 с.
19. *Синельникова Л.Н.* Научная «реплика» профессора Г.Г. Хазагерова как содержательная инициатива для развития проблемного диалога // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 3. С. 119–139. – URL: [www.tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)
20. *Сорокин Г.Г.* Влияние информационной культуры на функциональную грамотность социального субъекта // Автореф. дис. канд. социол. наук. Тюмень, 2006. 23 с.
21. Услугам здесь не место. Литературная газета. 2022. № 35.
22. *Функциональная грамотность школьников: проблемы и эффективные практики: Сборник материалов / Под общ. ред. А.В. Чесноковой.* Краснодар: ГБОУ ИРО Краснодарского края, 2021. 192 с.
23. *Хазагеров Г.Г.* Контрпродуктивные компетенции // Высшее образование в России. 2013. № 1. С. 129–134.
24. *Хазагеров Г.Г.* Обесмысливание научного дискурса как системное явление // Социологические науки. 2010. № 2. С. 5–20.
25. *Хазагеров Г.Г.* Риторический манифест. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовской риторической школы. 2020. 45 с.
26. *Чуйкова А.* «Назад в будущее. Услуги или служение» // Аргументы недели. 2021. № 24. С. 7.
27. Экспресс-газета. 2021. № 16.

28. *Fisher M., Goddu M.R., Keil F.S.* Searching for Explanations: How the Internet Inflates Estimates of Internal Knowledge // *Journal of Experimental Psychology*. 2015. Vol. 144. № 3. Pp. 674–687.
29. *Mills K.L.* Possible effects of Internet use on cognitive development in adolescence // *Media and Communication*. 2016. Vol. 4. № 3. Pp. 4–12.
30. *Sparrow B., Liu J., Wegner D.M.* Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips // *Science*. 2011. Vol. 333. № 6043. Pp. 776–778.

### References

1. *Adamchuk M.* Questionnaire // *Journalists about the Russian language*. Moscow: Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, 2016. P. 42-44.
2. *Brusenskaya L.A., Barabash V.V., Kulikova E.G.* Ethical and speech norms of the modern Russian language. Moscow: Flint. 2022. 164 p.
3. *Brusenskaya L.A., Kulikova E.G.* Imitation, informativeness and fatika in the genres of humanitarian scientific discourse // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics. Russian Linguistic Journal*. 2019. Vol. 23. No. 1. P. 131-148.
4. *Brusenskaya L.A., Kulikova E.G.* Review of the "Rhetorical Manifesto" by G.G. Khazagero (Rostov-on-Don: Publishing house of the Rostov Rhetorical School. 2020. 45 p.) // *Communicative research*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 185-193.
5. *Vodina T.* Higher education and labor education // *Govt*. March 10, 2017 – URL: <url>[https://zavtra.ru/blogs/visshee\\_obrazovanie\\_i\\_trudovoe\\_odichanie](https://zavtra.ru/blogs/visshee_obrazovanie_i_trudovoe_odichanie)
6. *Vojvodina T.* Diploma through TikTok // *Literaturnaya gazeta*. 2021. No. 36. P. 2.
7. *Vojvodina T.* School of relaxation // *Literaturnaya gazeta*. 2018. No. 44.
8. *Zagorodnyuk E.V., Ivanenko N.S.* Functional illiteracy: actors of higher education, risks of educational and professional incompetence // *Bulletin of the YURSTU (NPI)*. 2021. No. 4. P. 36-43.
9. *Klushina N.I.* On the digitalization of language // *Russian speech*. 2018, No. 6. pp. 52-56.
10. *Kuzmina Yu.V., Popov D.S.* Functional literacy of adults and their inclusion in society in Russia // *Sociological research*. 2015. No. 7. P. 48-57.
11. *Kulikova E.G.* Media error: destruction, eliminated lacuna or dynamic norms? // *The language in the coordinates of the mass media. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference*. St. Petersburg: St. Petersburg State University. Publishing house "Mediapapir". June 28 – July 1, 2023. P. 49-53.
12. *Kulikova E.G.* Political correctness versus humility: ethical and speech parameters of media discourse // *Congress of the Russian Academy of Sciences "Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia"* Yekaterinburg, October 6-9, 2021. P. 202-206.
13. *Kurilovich N.V.* Functional illiteracy as a threat to the sustainable development of modern education // *Nauka. Culture. Society*. 2020. No. 2. P. 53-62.
14. *Lopatukhina T.A., Rynkevich A.V.* State and author's approaches to solving the problem of functional illiteracy // *Pedagogy. Questions of theory and practice*. 2017. No. 2(06). P. 54-57.
15. *Perminova L.M.* Functional literacy of students. Modern lesson. Moscow: Moscow Institute of Open Education, 2009. 129 p.
16. *Pishchalnikova V.A.* Functional illiteracy as a consequence of the loss of the dominant function of a linguistic sign in the digital information space // *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2021. No. 2. P. 36-45.
17. *Pishchalnikova V.A., Fenenko N.A.* Functional illiteracy as a consequence of the "change of the subject of thinking" // *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*. 2022. Vol. 21, No. 3. P. 5-16.
18. *Polishchuk L.N.* Functional literacy: essence and formation. Mozyr: MGPU, 2008. 212 p.

19. *Sinelnikova L.N.* The scientific “replica” of President G.G. Khazagerov as a meaningful initiative for the development of large business // *The World of Journalists and Communities: an electronic scientific journal*. 2021. No. 3. P. 119-139. – URL: [www.tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)
20. *Sorokin G.G.* The influence of information culture on the functional literacy of a social subject // Abstract of the dissertation of the candidate. social sciences. Tyumen, 2006. 23 p.
21. Services have no place here. *Literary newspaper*. 2022. No. 35.
22. Functional literacy of schoolchildren: problems and effective practices: A collection of materials / Under the general editorship of A.V. Chesnokova. Krasnodar: GBOU IRO Krasnodar Territory, 2021. 192 p.
23. *Khazagerov G.G.* Counterproductive competencies // *Higher education in Russia*. 2013. No. 1. P. 129-134.
24. *Khazagerov G.G.* The conceptualization of scientific discourse as a systemic phenomenon // *Socio-logical sciences*. 2010. No. 2. P. 5-20.
25. *Khazagerov G.G.* Rhetorical manifesto. Rostov-on-Don: Publishing House of the Rostov Rhetorical School. 2020. 45 p .
26. *Chuikova A.* “Back to the future. Services or service” // *Arguments of the week*. 2021. No. 24. P. 7.
27. *Express newspaper*. 2021. No. 16.
28. Fischer M., Goddu M.R., Keil F.S. In search of explanations: How the Internet overestimates internal knowledge // *Journal of Experimental Psychology*. 2015. Volume 144. No. 3. P. 674-687.
29. Mills K.L. Possible influence of Internet use on cognitive development in adolescence // *Mass media and communication*. 2016. Volume 4. No. 3. P. 4-12.
30. *Sparrow W., Liu J., Wegner D.M.* Google's influence on memory: the cognitive consequences of having information at our fingertips. *Nauka*. 2011. Volume 333. No. 6043. P. 776-778.

*Статья поступила в редакцию 21.02.2024; одобрена после рецензирования 15.03.2024; принята к публикации 15.03.2024.*

*The article was submitted 21.02.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 15.03.2024.*